

АЛЕКСАНДР ДЮМА — КУНАК ДАГЕСТАНА

ВЕЛИКИЙ ФРАНЦУЗСКИЙ РОМАНИСТ Александр Дюма посетил Дагестан в 1858 году. Его сопровождал иллюстратор парижских журналов Мойне. Их дорога следовала из Астрахани на Кизляр и далее через Чирюрт в Темир-Хан-Шуру.

Мелькали версты, а перед иностранцами простиралась голая степь без единого деревца, и, если бы не дорожные станции и казачьи посты, изредка попадавшиеся в пути, можно было подумать, что край необитаем.

Но вот и Кизляр.
— Куда вас отвезти? — спросил ямщик.
— В самую лучшую гостиницу, — потребовал Дюма. В Кизляре, одна-

ра, не оказалось ни лучшей, ни худшей гостиницы...

Вскоре все утряслось, и кизлярцы угостили знаменитого гостя традиционным шашлыком.

Дюма воскликнул: «Я во время путешествия ничего лучшего не едал!». Замечу, что рецепт изготовления шашлыка Дюма привез во Францию.

В тот же вечер гости нанесли визит вежливости кизлярскому коменданту. Супруга коменданта, знавшая французский язык, исполнила несколько романсов, в том числе «Горные вершины» композитора А. Варламова на стихи М. Лермонтова. В доме коменданта Дюма впервые услышал имя Михаила Юрьевича и по приезде на родину познакомил соотечественников с произведениями великого поэта.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ писатель и художник покидали Кизляр. Через Терек перебрались на пароме. А. Дюма отметил в дневнике: «Терек вдвое шире Сены».

В Хасавюрте гостило у офицеров Кабардинского полка.

Еще через день их встретил в Андрей-ауле князь Али-Султан со свитой. Аул с его многочисленными минаретами удивил приезжих. После прогулки по селу и окрестностям и сытного обеда настал час расставания. 14-летний сын князя вручил писателю кинжал работы знаменитого Базалая.

В Чирюрт французы приехали за час до заката солнца. На скале вышлась башня, еще две башни поменьше размерами стерегли берега

реки Сулак. Командир драгунского полка дал ужин. Играл духовой оркестр. Один из офицеров подарил гостям альбом с видами Кавказа...

ТЕПЕРЬ ДОРОГА СЛЕДОВАЛА на Кумторкалу. Долгая и унылая поездка по степи была вознаграждена чудным видом на пятиглавый бэрхан «Сары-Кум». Песчаная гора будто выросла изпод земли в самую последнюю минуту. Дюма попросил сделать привал, вышел из кареты и стал рисовать.

«После каждой бури, — писал он, — гора изменяет форму, но не развевает песок по равнине, и гора сохраняет свою обычную форму». Точно подмечено!

Пока на почтовой станции меняли лошадей, французы пешком отправились в Кумторкалу. На тесной улочке их окружили собаки. Дело, наверное, обернулось бы плохо, если бы не выбежавший из какого-то двора горец.

— Кунак? — протянул руку Дюма. Кумторкалинец крепко пожал руку, повторил слово «кунак». «С этой минуты, сообщает писатель, нам нечего было бояться, мы были под его покровительством». Приезжие высыпали в папаху горца несколько фунтов пороха и пуль — дорогой подарок по тем временам.

ПОСЛЕ БАРХАНА ДОРОГА ВЕЛА по долине речки Шура-озень. Ночевали в запущенной комнате сторожевого поста.

Еще только рассветало, когда карета застучала колесами по камням Шура-озени.

В Темир-Хан-Шуру въехали уже

под проливным дождем. Сушились у костра. Художник Мойне заболел малярией. Его напоили хинином и уложили в постель. Тем временем Дюма собирал материалы, связанные с Темир-Хан-Шуруй.

«Так как нечего было смотреть в Шуру, — отмечал романист, — и лихорадка оставила Мойне, нам осталось только проститься с хозяином, поблагодарить доктора, спрятать хину... и ехать».

Близ Улуу-Буйнака на их пути совершенно случайно встретился командир 1-го Дагестанского конно-иррегулярного полка полковник Иван Романович Багратин. Он просил французов вернуться в Шуру.

— Нет, нет, нет, — запротестовал художник, у меня пульс за 120 ударов. Я уже сделал там приобретение... Мойне намекал на болезнь.

— Но вы, господин Мойне, — загадочно произнес Багратин, — не приобрели вида Караная!

— Что такое Каранай? — заинтересовался Дюма.

— Это такой предмет, — отвечал полковник, — интереснее которого едва ли вы встретите во время всего путешествия...

— Мойне, слышите? — воскликнул Дюма, — элемент!
УТРОМ СЛЕДУЮЩЕГО дня в сопровождении 100 всадников Дагестанского полка гости и Багратин покинули темирханшуринское укрепление. К 9 утра кавалькада прибыла в кумыкский аул Ишкарта, где их ждал завтрак. Далее дорога круто забиралась на Гимринский хребет. Художник нетерпеливо

спрашивал: «Где же обещанный Каранай?», на что Иван Романович отвечал: «Потерпите!»

Наконец, люди взобрались на одну из вершин. Потрясение было настолько сильным, что французы долго молчали. Предоставлю слово самому Дюма:

«Я слез с лошади, стал на ноги. Этого было недостаточно — я легничком и закрыл руками глаза... нервническая дрожь, волновавшая меня, как будто сообщалась с землею... так билось мое сердце. Наконец, я поднял голову. Мне нужно было сделать большое усилие, чтобы посмотреть в пропасть... Я мало-помалу пригляделся к этому страшному величию природы и признаюсь... что я ничего не видел подобного ни с вершины Фоллириа, ни с Этны, ни с пики Гаварии...» И на самом деле было отчего прийти в восторг.

Внизу, на глубине полутора километров, будто спичечные коробки, расположил свои сакли аул Гимры. Чуть дальше аула, — по самому дну каньона, извивалась голубая лента реки Аварское койсу, а на западе по самому горизонту — на расстоянии не менее 100 километров простирались снежные вершины Богосского ледяного массива...

О БЕДАЛИ В ИШКАРТАХ, ночевали в Темир-Хан-Шуре. Дюма был избран почетным всадником Дагестанского полка. Всю ночь гремела музыка, горцы лихо плясали лезгинку. По этому поводу Дюма записал: «Впечатление такое, будто к их ногам привязаны по тысячу чертей».

Багратин удивил приезжих не только блестящим знанием французского языка, гостеприимством, манерами, но и тем, что был в курсе литературных новостей, в том числе книг самого Дюма.

Большая толпа шуринов провожала французов. Всех обрадовало то, что Дюма был одет в череску, шитую портным полка за одну ночь. Уезжающих до Дербента сопровождал Багратин. В Каякенте перекусили, в Мамедкале меняли лошадей.

— Вот могла Солтанет, — произнес на окраине Дербента полковник.

— Я стыжусь за свое невежество, — развел руками писатель, — но кто такая Солтанет? И он услышал рассказ о красавице, дочери хунзахского хана, ради которой Аммалатбек лишил человека жизни. И, как возмездие, перенес изгнание и смерть на чужбине...

В Дербенте французы посетили землянку Петра Первого, джума-мечеть, базар и русское кладбище, где Дюма стоял в скорбном молчании у другой могилы — возлюбленной декабриста А. А. Бестужева-Марлинского Ольги Нестерьевой, погибшей от несчастного случая.

За крепостными стенами Дербента настала минута расставания. Гости следовали в Баку и Тифлис...

МЫ НЕ ЗАБЫЛИ о пребывании великого французского романиста на дагестанской земле. Об этом рассказывает мемориальная доска, установленная на стене одного частного дома по улице Хизроева в г. Буйнакске, в котором 125 лет назад помещался штаб 1-го Дагестанского конно-иррегулярного полка.

Булач ГАДЖИЕВ.

Романет. Магдане, 1988, 22 июня